

АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ

АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ

Мемуары

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Д30

ФОТОГРАФИИ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ
ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРА

Дементьев, Андрей.

Д30 И все-таки жизнь прекрасна / Андрей Дементьев. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Биография эпохи).

ISBN 978-5-17-109628-1

В этой книге Андрей Дементьев, знаменитый поэт, писатель, журналист, легенда XX века искренне рассказывает о своей жизни, касаясь ключевых моментов истории нашей страны: Великой Отечественной войны, послевоенной разрухи, яркой эпохе «шестидесятников» и своей работе в культовом журнале «Юность», переломных 90-х... Его по праву можно назвать голосом не одного поколения!

Перед читателем открываются не только фрагменты исключительной творческой биографии поэта, но и яркие портреты известных писателей, художников, артистов, политиков, таких, как Михаил Горбачев, Борис Ельцин, Мая Плисецкая, Галина Вишневская и Мстислав Ростропович, Владимир Максимов, Андрей Вознесенский и т. д. Книга автобиографической прозы Андрея Дементьева богато иллюстрирована уникальным фотоматериалом из семейных архивов.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-109628-1

© Андрей Дементьев, текст
© ООО «Издательство АСТ»

От автора

Однажды, в пору нашей работы в журнале «Юность», мой земляк и старший друг, писатель-фронтовик Борис Полевой спросил: «Старик, вы ведете дневники?» Я удивленно ответил, что никогда не вел и не веду.

— Напрасно. У вас интересная жизнь. Память всего не удержит. А придет время писать мемуары, пожалеете, что ничего не записывали...

— Меня, — говорю, — еще в юности расколодил Михаил Михайлович Пришвин. Выступая перед участниками Всесоюзного совещания молодых писателей, он сказал нам, что никогда не вел дневники, ибо память сама сохранит все самое главное. А то, что позабудется, значит, было не очень важным...

Много позже я узнал, что старый писатель хитрил. Дневники он все-таки вел. Но Полевой в чем-то меня тогда убедил. И я стал вести дневник. Однако в силу своей занятости делал это нерегулярно, а потом и совсем забросил. И сейчас, когда действительно настало время мемуаров, пишу почти обо всем по памяти. Заглядывать, кроме своей души, мне некуда.

Мы все жили и продолжаем жить в одно время, и у всех у нас много общего, и потому личная судьба каждого — это неожиданный ответ на многие вопросы, тающиеся где-то в глубине души незнакомого тебе человека. Правда, иногда мемуары — это всего лишь скрытые происки мелкого тщеславия, когда может показаться, что твоя жизнь и твоя персона представляют невероятный интерес для всего человечества... Я далек от таких мыслей. Но если мой опыт и моя природная откровенность заставят кого-то задуматься не только о своем прошлом, но и поразмышлять о настоящем и будущем, то я буду доволен вспыхнувшим между нами взаимопониманием.

Кроме того, мемуары предполагают еще одну грань читательского интереса. Это рассказы о незаурядных личностях, о знаменитых современниках, с кем автору довелось по жизни общаться, дружить, работать...

У меня, например, таких встреч было великое множество. Назову только несколько имен — Михаил Шолохов, Галина Вишневская, Мстислав Ростропович, Джина Лолобриджида, Чингиз Айтматов, Зураб Церетели, Булат Окуджава, Мирей Матье, Андрей Вознесенский, Иосиф Кобзон, Евгений Евтушенко, Алла Пугачева... Звездный список можно еще и еще продолжать.

Как говорит народная мудрость, чужая душа — потемки. Однако я бы уточнил — потемки, когда на нее не падает свет вашей доброты и интереса... А поскольку многое на земле повторяется, то в каждой судьбе найдутся крупинцы и твоей жизни, дорогой читатель... А это значит, что книга, которую я представляю на ваш суд, может чему-то научить и даже от чего-то предостеречь.

Андрей Дементьев
20018 год

Всему начало — отчий дом

Тверские впечатления

Всем лучшим в себе я обязан родителям. А потом уже книгам, школе, учителям и творческому азарту. Мой отец — Дмитрий Никитович — был родом из бедной крестьянской семьи. Переехав из деревни Старый Погост в Тверь, выучился на гримера и работал в театре. Потом стал дамским парикмахером и пользовался большим успехом у женщин. Во-первых, потому что был молод и красив, а во-вторых, потому что стал отменным мастером.

Однажды в церкви он увидел свою будущую жену Марию — очень привлекательную и скромную девушку. И вскоре посватался к ней. Ему отказали.

В это время он брал уроки гипноза. И попытался проверить магию на своей избраннице. Приходил к церкви, когда там шла служба. Он знал, что Маша с родителями в Храме, и мысленно вызывал ее на улицу. Мама рассказывала потом, что она всегда чувствовала его приход, испытывая тревожное беспокойство, и в конце концов под разными предлогами выходила на улицу.

Они любили друг друга, но ее родители были против их союза. До сих пор не понимаю — почему. Красивая пара, оба из простых семей, работающие... Когда отец вновь пришел свататься, суровая Екатерина Игнатьевна — так звали мою будущую бабушку — бросила в жениха кастрюлю с кипятком. Отец понял, что надеяться больше не на что. И тогда он выкрал невесту и увез ее в деревню Старый Погост, что располагалась в двенадцати километрах от Твери. Чтобы избежать скандала и позора, родители Маши смирились и устроили пышную свадьбу... Маме тогда едва исполнилось 18 лет, а отцу было 24 года.

Спустя несколько лет отец вдруг решил поменять профессию и поступил в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, которую закончил с отличием и вернулся из Москвы в Тверь агрономом.

Но в семье нашей главенствовала мама. Она и фамилию оставила себе девичью — Орлова. Отец так сильно ее любил, что каждое желание или просьба жены были для него радостным обязательством.

Я родился в день Святого Андрея Первозванного, и родители назвали меня Андреем. В те годы в Твери это имя было не очень популярным. Может быть, потому, что в атеистическую эпоху называть детей в честь святых было не принято. Но меня крестили, и я навсегда остался верным своим именинам.

Помню, как одна наша гостья при мне сказала моему отцу: «И чего ты назвал сына Андреем? Есть много хороших русских имен — Иван, Василий, Кузьма...» Отец что-то ответил, а я — шестилетний малыш — сразу невзлюбил эту тетю.

Отец нередко брал меня в свои поездки по колхозам, чтобы я мог познать деревню не только по рыбалке и грибным походам, но и по нелегким крестьянским будням. Както на поле к нам подошла молодая и очень миловидная женщина и спросила меня: «Мальчик, а как тебя зовут?» Совершенно неожиданно для себя я ответил: «Вася...» Отец весело засмеялся и потрепал меня по вихрам. «Андрей он у нас...» — сказал он гордо той женщине (как я потом узнал — председателю местного колхоза), и она тоже засмеялась... С тех пор я никогда не позволял себе таких шуток. А в школе даже возгордился, что моего имени ни у кого из ребят не было.

Жили родители дружно. Это сказывалось на моем характере, воспитании и настроении. С самых ранних моих лет отец каждый вечер читал мне перед сном хорошие книги — сказки Пушкина, «Маугли», Лермонтова, Жюль Верна... Благодаря отцу я рано пристрастился к чтению. Он следил за выбором книг, поощрял мой интерес к русской и зарубежной классике. Изо дня в день незаметно и ненавязчиво воспитывал во мне доброту. Ее он ценил в людях превыше всего. И еще уважение к старшим, к чужому труду.

Каждое лето, уезжая на школьные каникулы к бабушке, я учился косить, окучивать картошку и собирать урожай

в нашем большом огороде. Ничего не прошло даром. До сих пор я хорошо чувствую психологию крестьянина, понимаю и ценю деревенский труд, уважаю простых людей, умеющих и печь сложить, и корову подоить, и дом построить. Поэтому так много в моих книгах стихов о жизни земляков, о красоте сельской природы и красоте человеческой души. Именно потому для меня очень высок и светел образ простого труженика, я всегда осуждал и осуждаю в своей поэзии все, что калечит, угнетает и унижает моего лирического героя, списанного с добрых людей.

Наш дом, который хранится сейчас лишь на старых семейных фотографиях и в песне «Отчий дом», что написали мы вместе с Женей Мартыновым, тоже волжанином, навсегда остался для меня началом судьбы, биографии и первых радостей и испытаний.

Помню, однажды ночью, на второй день после начала Великой Отечественной войны, к нам пришли хмурые люди в зеленых фуражках, все перерыли в нашей маленькой комнатке и увели с собой отца. Он обернулся на пороге и, увидев, что я не сплю, грустно улыбнулся мне.

Потом сказал, обращаясь к плачущей маме: «Это недо-разумение. Я скоро вернусь...» Но вернулся он только через несколько лет — поседевший, состарившийся. Как бывшего политзаключенного, его никуда не брали на работу. Тогда он смастерил точильную машину и стал брать в парикмахерских ножницы, в магазинах ножи и с утра до вечера точил их. Заказов было много, но денег всегда не хватало... Я уже поступил в пединститут и одновременно учился в Московском заочном полиграфическом. Время было тяжелое, и жили мы бедно. Мне очень хотелось скорее стать самостоятельным и помогать родителям...

Шли годы. Отца реабилитировали, как и четверых его братьев, двое из которых не вернулись из лагеря. Трагически погиб и мой дед Григорий Платонович, человек могучего здоровья и силы. На лесозаготовках он случайно попал под рухнувшую сосну. Двадцать дней сердце его продолжало биться в раздавленной груди. Было ему 64 года... А до войны все мы жили одной большой семьей — дед, бабушка, я с отцом и мамой, ее братья. Каждое воскресенье по вечерам семья собиралась за праздничным столом, приходили гости. Было шумно и весело. Потом мама с дедом пели рус-

ские народные песни и романсы. Особенно мне нравился в их исполнении «Вечерний звон». У деда был сильный баритональный тенор. И хотя он нигде не учился, владел голосом искусно. Потому-то его часто приглашали петь в церковном хоре. А мама пела в любительской опере и даже участвовала в различных фестивалях. Они и приобщили меня к музыке.

Уже позже я стал собирать пластинки с любимыми певцами. И больше всех любил Сергея Яковлевича Лемешева. Многие его арии и романсы знал наизусть. Каждый день в нашем доме надрывался старенький патефон... Природа тоже наградила меня хорошим голосом. Я занимал первые места на детских конкурсах и фестивалях. Меня приняли в музыкальную школу. Учителя видели во мне будущего певца. Моя любимая учительница пения Вера Ниловна обучала меня игре на фортепьяно. Все ждали переходного возраста, когда установится голос, и в мои семнадцать лет педагоги устроили прослушивание. Я исполнил несколько русских и неаполитанских песен. Директор музыкального училища — маленький добрый старичок, предложил мне поступить на вокальное отделение. Но что-то меня остановило. Может быть, погрузневшие глаза моей учительницы, в которых я прочел легкое разочарование, как бы обманутые надежды... И я отказался поступать в училище, потому что понял — выдающегося певца из меня не получится. А при моей любви к музыке быть заурядным исполнителем не хотелось.

В детстве я был, как и все мальчишки, непоседливым и азартным. Помню, как-то свалился с крыши нашего дома (и чего меня туда понесло?!) и очень неудачно упал лицом на острое полено. Маме позвонили на работу. Она тут же прибежала — бледная, рыдающая, схватила меня на руки и понеслась в больницу. Кажется, мне было тогда лет пять. Несколько дней я не мог открыть опухший рот и ничего не ел. Переломов, к счастью, медики не обнаружили.

Однако на этом мои приключения не кончились. Рядом с нашим домом высилась крутая гора, которую мы называли Куклиновкой. Однажды, на спор, я покатился с нее на санках спиной вперед. Санки перевернулись и железная скоба сломала мне нос. И опять мама бежала со мной в больницу. Плакала, убивалась и все смотрела на мое изменившееся ли-

цо. Ей казалось, как она позже рассказывала, что ее сын теперь навсегда будет уродом. И опять все обошлось.

Однажды ясным весенним утром я чуть не погиб под трамваем, когда по глупости и мальчишеской лихости прыгнул в несущийся на всей скорости вагон. Спасло меня увлечение гимнастикой — я удержался на натренированных руках от падения под колеса. Выжался и отпрянул в сторону. И отделался лишь ушибами да многодневным стрессом.

Потом целый месяц ходил в школу пешком, боясь трамвая.

Позже, уже став студентом Литинститута, я провалился под лед, когда переходил Волгу, и мои зимние каникулы чуть не стали последними в жизни. Удивительно, но когда я барахтался в мерзлой воде среди крошившихся льдин, вдруг вспомнилось, как наш школьный учитель физкультуры — бывший фронтовик учил своих подопечных, как надо вести себя, если провалишься в полынью. Главное, чтобы не затащило под лед. Тогда конец. И потому я изо всех сил бил ногами по воде, пытаюсь плыть по ледяному крошеву, осторожно вытаскивая себя на более крепкий слой льда. Это случилось в центре города, напротив кинотеатра «Звезда», где было много народу, которому я устроил захватывающее водное шоу. Когда я уже отполз по льду в безопасное место, прибежали с длинным шестом мальчишки, и мы общими усилиями достали из воды мою новую пыжиковую шапку, которую мне только что подарила мама. Если бы не эти ребята, я бы еще раз полез в реку, чтобы достать мамин подарок.

Но мама о случаях с трамваем и купанием в Волге так никогда и не узнала. Я боялся ее волновать.

В тяжелые военные годы мы очень голодали. Мама собирала свои наряды, простенькие украшения и драгоценности, и мы с ней отправлялись в деревню менять скудное барахло на хлеб и картошку. Обо всем этом рассказано в моих стихах и потому не стану повторяться.

Как-то, лет в четырнадцать, я написал ей прощальное письмо, надел чистую рубашку и, когда бабушка отправилась в магазин, вставил в горящую электроплитку где-то найденный боевой патрон и прислонил к нему грудь. Но судьба распорядилась иначе. Видимо, что-то забыв, бабушка тут же вернулась и открыла дверь. Я отпрянул. Раздался вы-

стрел, и пуля пробила форточку. Бабушка, по-моему, ничего не поняла и опять ушла. Я не знаю, почему мне тогда вдруг не захотелось жить. Может быть, из-за этих бесконечных военных голоданий, когда ни о чем, кроме хлеба, я уже не мог думать. Может, просто возраст, попал в кризис и душа с ним не совладала. Помню только, что в первые минуты после выстрела я с ужасом подумал, а что стало бы с мамой и вообще с моими близкими, если бы этому несчастью суждено было случиться. Страшно подумать... Но, слава Богу, опять все обошлось.

Я рано начал ухаживать за девочками. Маму мои увлечения беспокоили. И не напрасно, потому что постоянная влюбленность и частые свидания отвлекали от школы, от книг и немного отчуждали нас друг от друга. Мне, конечно, хотелось хорошо выглядеть, прилично одеваться, что было совершенно естественно для моих пятнадцати — шестнадцати лет. Но время было трудное — война — и романтические настроения разбивались о жестокий быт. Помню, как я стыдился большущих отцовских валенок с галошами, в которых мне приходилось в распутицу приходиться на свидания. Да и одежонка у меня была потрепанной, не по росту, с довоенных времен.

В то время школу разделили на мужскую и женскую. Мы дружили классами — наш 8-а с девочками из семнадцатой школы, в которой мы до того учились все вместе. Приезжая в Тверь, я прихожу на берег Волги, на то самое «энское место», где наши юные королевы учили нас — неуклюжих мальчишек — зимними вечерами танцевать вальс и танго. Без музыки, под общее мелодичное мычание. До сих пор не знаю, почему уроки танцев проходили не весной, не летом, а именно в зимнюю стужу. Но нам было тепло — от дружбы, от взаимных симпатий, от нашей юности. Мама знала об этих «танцульках» и в один из новогодних праздников устроила для моих школьных друзей вечеринку. Мы уплетали поджаристую картошку с солеными огурцами, пили травяной чай, а потом танцевали под старенький патефон. Когда все разошлись, я ничего не сказал маме, а просто нежно ее обнял. Как хорошо было нам от этого молчаливого взаимопонимания!..

Всех своих девочек, в которых влюблялся, я непременно приводил в наш дом, знакомил с мамой. Кто-то ей нравился, кто-то нет. Но эта потребность искреннего общения со-

хранилась во мне на всю жизнь. Прошли через ее оценивающий мудрый взгляд и все мои жены. С интервалами в долгие годы...

В детстве меня редко наказывали. Правда, однажды был случай, когда мы с моим двоюродным братом Борисом залезли в соседский сад нарвать яблок. Хотя у бабушки были свои яблони, но чужие яблоки ведь всегда вкуснее. Хозяин сада дядя Коля влепил нам с братом по оплеухе, а потом пожаловался моему отцу. Тот еще добавил, а мне, как старшему, больно надрал уши. В деревне существовала такая круговая порука взрослых — воспитывать детей сообща.

А второй раз я получил ремня вообще ни за что. Мой одноклассник с нашей улицы позвал полакомиться любимым мороженым и халвой. «А деньги?» — спросил я. Он показал смятую трешку. Мы всласть «покутили», а вечером выяснилось, что трешка им была взята из дома без спроса. На этот раз меня отстегала мама. Но больше меня так никогда не наказывали.

Особо доверительные отношения у меня сложились с маминим братом Борисом. Это был еще очень молодой человек, неженатый, красивый, склонный к авантюризму и любивший всех разыгрывать. Как-то со своим другом Валентином они купили крупную живую рыбину и понесли ее домой бабушке. По дороге рыба стала засыпать, а им очень хотелось всех удивить живой громадиной. И неподалеку от нашего дома они пустили ее в огромную лужу, образовавшуюся после дождя на Сенной площади. Рыба вильнула хвостом и ушла в мутную воду. Тогда эти два фраера при галстуках и в костюмах сняли модные ботинки, засучили брюки и стали с двух сторон ловить уплывшую добычу. Собралось много народа. Их замучили советами, пока они наконец не выловили одуревшее от шума и бурлящей воды будущее бабушкино жаркое.

Мы дружили с Борисом всю жизнь. И когда дядя Боря уже обзавелся семьей и у него родились сыновья, он оставался по-прежнему заводным, веселым, до всего любопытным. На фронте его тяжело ранили и списали под чистую. Он уехал в Курган, где в дни оккупации Твери обосновалась его жена Зина с детьми. Мы редко виделись, но симпатии мои к нему от этих разлук не угасли. Он умер от полученных ран далеко не старым человеком.

Еще в нашей большой семье был самый мой близкий друг — младший мамин брат Сережа... Разница в возрасте у нас была небольшая — около четырех лет. По своим годам и по виду он «не тянул» на полноценного дядю и потому я считал его своим братом. Мы играли с ним в дворовый футбол, учились в одной школе, одинаково тяжело болели скарлатиной и вместе ездили с ребятами на картошку. Однажды, в азарте игры я случайно задел его дедушкиной шашкой, которую тот привез с японской войны, и отбил ему кусок переднего зуба... Сережа не побил меня, не наговорил обидных слов, а просто ушел в дом и спрятал там злополучную шашку. И никогда не вспоминал о моей неловкости. Так и остался он на наших семейных фотографиях — шестнадцатилетним улыбчивым парнем с печальными глазами и с памятной щербинкой... Мой дядя — Сережа Орлов — погиб под Орлом в 43-м году в неполных девятнадцать лет. Много позже, познакомившись в Литературном институте с поэтом Сергеем Орловым, я испытывал почти мистическое чувство некоей сопричастности этих двух фронтовиков...

Мне приснился мой старший брат,
Что с войны не пришел назад.
Мне приснилось, что он вернулся —
Невредимый и молодой.
Маме радостно улыбнулся:
— Я проездом... А завтра в бой. —

14

Мать уткнулась ему в ладони...
— Что ты, мама! Ну, как вы здесь? —
По глазам угадав, что в доме,
Хлеба нету, да горе есть.

— Угостить тебя даже нечем.
Если б знала — сменяла б шаль...
— Что ты! Разве я шел за этим?!

— Не за этим... А все же жаль,
Что вот так я встречаю сына.

Брат достал фронтовой паек,
На две равные половины

Поделил он его, как мог.

— Это вам... —

И, взглянув на брата,

Я набросился на еду.

— А теперь мне пора обратно.

А теперь я ТУДА пойду.

Завтра утром идти в атаку.

В ту, последнюю для меня.

И тогда я во сне заплакал,

Не укрыв его от огня.

Эти стихи о Сереже я написал много лет спустя.

...Мы учились в разрушенном городе, в промерзшем классе, когда в чернильницах замерзали чернила, и все, начиная с учителей, сидели в довоенных шубах, шинелях или телогрейках. Помню, как в студень декабрьский день учительница литературы — молодая красивая женщина — вошла в класс и неожиданно сняла пальто. Было так холодно, что мы почли за подвиг ее решимость. А на самом деле ей просто захотелось побыть среди нас в новенькой, видимо, с довоенных времен хранившейся цветной кофточке, потому что накануне у нее был праздник. Заехал на несколько часов ее муж, чья часть стояла неподалеку от города Калинина, только что освобожденного от фашистов... С этого радостного признания она и начала свой урок.

Вообще война как-то очень сблизила людей. И нас с учителями — тоже. Никто не называл их «училками», не давал им прозвищ. Мы были одной большой семьей, потому что жили на краю гибели. Жили бедами, отчаяньем и надеждой военной поры. Все голодали. Помню, как по весне я ходил рвать крапиву, чтобы бабушка сварила из нее щи. По натуре добрый и жалостливый мальчишка, я убил однажды из рогатки воробья, ощипал и положил его в тот котел. Мне постоянно хотелось есть. Возраст требовал полноценного питания, чтобы мужать, крепнуть, набирать силу. Но шла изнурительная война. Страна голодала и мы вместе с ней...